

ЛЕСИЯ
КОРНУОЛА

Цена
обольщения

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К67

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Lecia Cornwall

THE PRICE OF TEMPTATION

Перевод с английского Е.А. Ильиной

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Taryn Fagerness Agency и Synopsis.

Корнуолл, Лесия.

К67 Цена обольщения : роман / Лесия Корнуолл ; [пер. с англ. Е.А. Ильиной]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-090392-4

Как быть женщине перед лицом смертельной опасности?

Нанять слугу, который заодно будет и телохранителем?

Но... как быть хозяйке, которая внезапно понимает, что влюбилась?

Леди Эвелин Реншо из последних сил борется со вспыхнувшим так некстати чувством. А ведь она даже не подозревает, что под маской слуги скрывается капитан Синдзон Радерфорд, который уверен: красавица аристократка ведет двойную жизнь...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090392-4

© Lecia Cotton Cornwall, 2012

© Перевод. Е.А. Ильина, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Как правило, на рассвете Гайд-парк посещали лишь дуэлянты.

Но поскольку леди Эвелин Реншо хотелось подышать свежим воздухом и прогуляться, не испытывая стыда и не слыша пересудов, то отправиться в парк стоило именно в предрассветный час. Солнце еще не взошло, и окрестности парка были окутаны густым, точно парное молоко, туманом. Оказавшись в благословенном одиночестве, Эвелин полной грудью вдыхала сладкий утренний воздух.

Главным сплетницам высшего света, от чьих зорких глаз не могло укрыться ничто на свете, еще только предстояло встать с постелей, отдать приказы подавать экипажи и обнажить когти. Если бы им пришло в голову проснуться раньше обычного и выехать на прогулку в парк в столь ранний час, они непременно встретили бы там катавшуюся в полном одиночестве Эвелин и имели бы удовольствие словесно порвать ее на кусочки уже сегодня днем за чашкой чая.

Было слишком рано даже для любителей безудержных скачек по Роттен-роу*. Ведь опробовать своих скакунов джентльмены предпочитали именно по утрам, когда аллеи парка еще не заполнялись гуляющими. Но у них все равно не было бы возможности проехать рядом с ней и внимательно к ней

---

* Роттен-роу — аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке. — *Здесь и далее примеч. пер.*

присмотреться, чтобы потом заключать пари в клубе «Уайтс» относительно того, жена еще леди Реншо или уже вдова.

Прошло почти семь месяцев с того дня, когда лорда Филиппа Реншо видели последний раз, но сплетни о его предательстве не утихали. Ведь брошенная им супруга оставалась в Лондоне и несла на своих плечах всю тяжесть его позора.

Эвелин понятия не имела, где ее муж. Он мог находиться в любой части света живой и невредимый, но с таким же успехом мог гнить в земле. Эвелин пригладила рукой подол своей модной амазонки из фиолетового шелка. Возможно, ей стоило носить траур. Только она сомневалась, что это положит конец пересудам. Да и сочувствовать ей тоже никто не станет.

Эвелин устала от сплетен, осуждения, устала от пристального внимания к себе представителей власти и просто любопытных. Однако ей был дан строгий наказ оставаться в городе. Ей даже не позволили удалиться в загородное поместье, дабы укрыться там от позора. Куда бы она ни отправилась, за ней постоянно наблюдали, ожидая, когда она ошибется и обнаружит тайное убежище супруга. Кое-кто даже надеялся на то, что Эвелин окажется такой же предательницей, как и Филипп Реншо.

Эвелин ничего не оставалось, кроме как совершать прогулки на рассвете в полном одиночестве, храбро улыбаться на тех немногочисленных балах и званых ужинах, куда ее приглашали все реже, и стараться сохранить собственное достоинство.

До слуха Эвелин донесся стук копыт, и она обернулась. К ней приближался всадник на огромном коне. Во рту у Эвелин пересохло. Знает ли она этого всадника? Появление незнакомцев заставляло ее нервничать.

Эвелин отвернулась и спрятала лицо под украшенными перьями полями шляпки. Она боялась, что всадник окажется одним из ее знакомых, жаждущих расспросить о Филиппе. Эвелин направила свою кобылу к обочине, чтобы дать всаднику возможность проехать, и все же сердце ее билось где-то в горле, мешая дышать.

Она пустила кобылу шагом, расправила плечи и, стараясь сохранять спокойствие, ждала, когда всадник проедет мимо.

Но стук копыт стих.

Эвелин обернулась. Всадник почти нагнал ее. В черном плаще, верхом на вороном коне, он выглядел зловеще в серебристой пелене тумана.

Несмотря на то что его лицо было скрыто полями шляпы и поднятым воротником, Эвелин убедилась, что этот человек ей незнаком. Она с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть от страха, и сжала поводья, готовая пустить свою кобылу вскачь, но все же лелея надежду, что незнакомец проедет мимо.

Однако тот подъехал ближе и теперь внимательно разглядывал ее.

Эвелин пришпорила кобылу. Незнакомец последовал ее примеру. Сердце Эвелин сковал страх. Ее кобыла не могла тягаться с могучим конем. Эвелин чувствовала на себе прожигающий взгляд незнакомца, когда пригнулась к спине кобылы в попытке заставить ее бежать быстрее.

Эвелин поступила неразумно, оставив грума у ворот, желая хоть на некоторое время остаться в уединении. Ее обуял такой ужас, что все вокруг, казалось, замедлило движение. Все, кроме ее преследователя. Он без труда сократил расстояние между ними и поскакал рядом. Эвелин украдкой посмотрела на него.

Он совсем не походил ни на одного из приставленных к ней соглядатаев. Все они держались на почтительном расстоянии и никогда не подходили близко.

А еще они никогда не целились в нее из пистолета.

При виде направленного на нее дула по спине Эвелин заструился пот. Неужели она попала в лапы грабителя? Но что делать грабителю в Гайд-парке в столь ранний час?

Хотя ведь она-то здесь, не так ли? И совсем одна.

Туман, который всего несколько минут назад великодушно прятал Эвелин от назойливых взглядов, казался теперь жутким удушающим саваном. Он окутывал Эвелин, хватал ее за подол платья, мешал бежать ее лошади, скрывал повороты и указательные столбы.

Мгновение свободы обернулось для Эвелин смертельной ловушкой.

— Остановитесь, мадам, — приказал незнакомец, прицеливаясь.

Однако паника заставила Эвелин сделать нечто совершенно противоположное. Она с силой прищипорила кобылу, но тщетно. Она ощутила горячее дыхание вороного на своей щеке, и уже в следующее мгновение всадник схватил кобылу за поводья и остановил ее.

Негодяй взял женщину за ворот и дернул, разрывая своей затянутой в кожаную перчатку рукой нежное кружево. Эвелин снова вскрикнула, вцепившись обеими руками в запястье незнакомца и стараясь как можно сильнее впиться ногтями в обнаженную кожу над перчаткой.

Прикосновение холодного металла к подбородку заставило Эвелин мгновенно прекратить попытки освободиться. Она заглянула в горящие злобой глаза незнакомца, и щелчок взводимого курка показался громким, точно раскат грома.

— У меня нет ни денег, ни драгоценностей! — испуганно выдохнула Эвелин. Ценность представляло лишь обручальное кольцо, но она с готовностью отдала бы его грабителю.

С губ негодяя сорвался грубый смех, и в лицо Эвелин пахнуло одуряющей смесью перегара и чеснока. Дуло пистолета большее уткнулось в подбородок, а кожа перчатки незнакомца скрипнула, когда его пальцы сильнее сдавили горло Эвелин.

— Думаете, я собираюсь вас ограбить? — спросил незнакомец по-французски. — Это вы грабительница, мадам, и ваш проклятый муж.

Волосы дыбом встали на голове Эвелин.

— Это Филипп вас послал? — спросила она, сглотнув подступившую к горлу тошноту.

Отвратительная улыбка разлилась по землистому лицу незнакомца, но его глаза оставались холодными. Они напоминали змеиные, и Эвелин на мгновение показалось, что сейчас из его рта высунется раздвоенный язык.

— Non, madame*. Меня прислал сюда гораздо более высокопоставленный человек. Наполеон. Ваш муж украл священное боевое знамя, принадлежащее Франции, и император хочет его вернуть.

— Он... — Эвелин судорожно сглотнула. — Филипп жив?

Взгляд незнакомца, казалось, прожигал ее насквозь.

— Если священное знамя будет возвращено, император может простить его и выдать Англии. Англичане, конечно же, его повесят, так что лорд Филипп в любом случае покойник, n'est ce pas** ? Поверьте, мадам, сейчас вам лучше побеспокоиться о своей собственной жизни. Мне и раньше приходилось убивать женщин.

Он улыбнулся так, словно воспоминания об этом доставляли ему удовольствие, и по спине Эвелин пробежал холодок.

— Верните знамя Карла Великого, и я оставлю вам жизнь, — прорычал француз на ухо Эвелин, и она едва не лишилась чувств.

— Я не могу... — с трудом выдохнула женщина, борясь с головокружением.

— Или не хотите? — Француз больно заломил руку Эвелин, и она уже приготовилась закричать вновь, уверенная в том, что он ее убьет.

— Отпустите ее.

Низкий спокойный голос прорезал туман, точно острый нож. Француз ненадолго ослабил хватку, чтобы повернуться к говорящему, но не отпустил Эвелин. Женщина попыталась воспользоваться моментом, чтобы высвободиться, но негодяй еще сильнее вывернул ей руку. Эвелин даже заскрежетала зубами от боли.

— Ступайте своей дорогой! Вас это не касается! — рявкнул француз.

Лицо незнакомца расплылось перед глазами Эвелин, когда острая боль пронзила ее руку. Она заморгала и посмотрела на него, беззвучно моля о помощи.

---

* Нет, мадам (*фр.*).

** Не так ли (*фр.*).

Происходящее не напугало и не заинтересовало его. Однако на его лице отразилось раздражение, как если бы необходимость помочь попавшей в беду женщине оторвала его от более важного дела. Сердце Эвелин замерло в груди.

Неужели он действительно ей поможет?

Она окинула взглядом его поджарую фигуру. Нет, он совсем не походил на рыцаря в сверкающих доспехах. На нем была выцветшая военная форма, подбородок и щеки покрывала щетина, под глазами залегли темные круги, а спутанные волосы давно не встречались с ножницами парикмахера.

И все же его рука покоилась на рукоятке сабли так, как если бы он готовился в любую минуту вытащить ее из ножен и броситься на врага. Во взгляде Эвелин вспыхнула надежда.

— Прошу вас... — прохрипела Эвелин, но француз вновь вывернул ей руку, заставляя замолчать. Эвелин с трудом подавила крик, не желая доставлять удовольствие своему мучителю.

Глаза солдата потемнели, подбородок упрямо сжался, вся веселость улетучилась.

— Мне кажется, леди совсем не нравится ваше общество, поэтому осмелюсь предположить, что происходящее меня все же касается. Я настаиваю на том, чтобы вы немедленно ее отпустили, — непринужденно произнес незнакомец, хотя в его голосе послышался металл.

Француз выругался — отвратительный гортанный звук.

— Вы что — возомнили себя Робин Гудом? — произнес он.

Губы солдата дрогнули в усмешке, хотя взгляд его глаз оставался холодным, как туман, окутавший парк.

— Как скажете, только я был бы очень вам признателен, если бы вы отпустили леди поскорее, поскольку у меня совсем нет времени.

Француз расхохотался, словно солдат сказал нечто очень смешное, но Эвелин ощутила, как напряглась его рука с зажатым в ней пистолетом. Он вскинул ее и прицелился в незнакомца.

— Нет! — Крик вырвался из истерзанного горла Эвелин помимо ее воли.

Но палец француза уже нажимал на спусковой крючок.

В следующее мгновение женщину оглушил выстрел, и ее защитник со стоном рухнул на дорожку парка.

— Вы его убили! — охнула она.

Запихивая пистолет за пояс штанов, француз пожал плечами и удовлетворенно усмехнулся.

— Вы следующая, *cheri**, — прошептал он.

Внезапно перед глазами Эвелин промелькнул клинок, вспыхнув серебром и едва не задев ее щеку. Возглас удивления потонул в крике француза.

Струя крови окрасила туман багрянцем и окропила лицо Эвелин.

Француз оттолкнул от себя жертву и схватился рукой за щеку. Кровь сочилась меж пальцев — ярко-алая на фоне черной перчатки.

Его жеребец попятился, почуяв кровь. С округлившимися от ужаса глазами он развернулся и бешено понесся прочь, унося с собой истекающего кровью всадника.

Так и не успев высвободить ногу из стремени, Эвелин упала с седла, неожиданно лишенная опоры, и теперь неуклюже свисала со спины своей перепуганной лошади.

Сильные руки вернули ее в седло, и она, поправив съехавшую набекрень шляпку, с удивлением посмотрела на своего спасителя и уже приготовилась рассыпаться в благодарностях. Однако при виде ледяного выражения его глаз сдержалась.

— Скачите прочь, — произнес солдат. — Он может перезарядить пистолет и вернуться.

С этими словами он хлопнул лошадь по крупу, и та пустилась вскачь.

Эвелин в отчаянии обернулась: не преследует ли ее француз?

Но позади маячил лишь ее спаситель, сжимавший в руке саблю и смотревший ей вслед. А потом его поглотил туман, и он исчез из виду так же неожиданно, как и появился.

---

* Дорогая (*фр.*).

Слезы застилали глаза Эвелин, когда в тумане проступили очертания ворот парка. Филипп жив. И она по-прежнему замужем за самым отъявленным предателем Англии и, очевидно, Франции. Эвелин отерла глаза, промочив перчатки. Она никогда не вникала в дела мужа, в надежде что это спасет ее.

Но она ошибалась. Враги Филиппа оказались гораздо более безжалостными, нежели она могла предположить. Его грехи можно было искупить лишь кровью.

И расплата за его прегрешения легла на плечи Эвелин.

Глава 2

Капитан Синджон Радерфорд смотрел вслед всаднице до тех пор, пока стук копыт не растворился в тумане. Он взглянул на окровавленный рукав своего кителя. Теперь в алой ткани виднелась дыра, в которую можно было просунуть палец. Французская пуля лишь слегка оцарапала кожу. Если бы не предупреждение спасенной им леди, рана оказалась бы намного серьезнее.

Именно в этой руке ему предстояло держать саблю на дуэли, на которую он опаздывал из-за неожиданной встречи. Угрюмо усмехнувшись, Синджон вытер о траву перепачканный кровью клинок. Лишь чудом он не получил на память от этого негодяя-француза сувенир в виде уродливого шрама, который удерживал бы его в будущем от приставаний к прогуливающимся без сопровождения дамам. Кровь заполнила украшавшую клинок инкрустацию, но Синджон не обратил на это внимания. Через несколько минут эта кровь смешается с изрядным количеством другой.

На этот раз английской.

Надо же, какое совпадение: эту саблю Синджон получил в качестве благодарности за спасение другой женщины, оказавшейся перед лицом такой же участи, что и леди в фиолетовой амазонке, только от рук негодяя, которого Синджон собирался убить сегодня в парке.

— Знамя Карла Великого, — бормотал Синджон, раздумывая над тем, что делал француз в Гайд-парке в столь ранний час и почему упомянул в разговоре священное знамя французской армии. Конечно же, Синджон слышал о нем. Говорили, будто, неся его перед собой, французы всегда выигрывали битву. Однако знамя исчезло, и с тех пор армия Наполеона терпела поражение за поражением.

Синджон нахмурился. Даже если рассказы о чудесном знамени правда, то какое отношение к нему имеет английская леди? Он вспомнил выражение ужаса в ясных зеленых глазах. Если она и знала, о чем именно говорит француз, то тщательно скрывала это.

Синджон по привычке потянулся за часами, но потом вспомнил, что заложил их по приезду в Лондон, чтобы заплатить за еду и крышу над головой. Но его секундант знает точное время дуэли. Должно быть, в этот самый момент он смотрит на свои собственные часы, недоумевая, почему Синджона до сих пор нет в условленном месте.

Синджон сунул саблю в ножны и направился к месту встречи.

— Капитан Синджон Радерфорд?

Синджон развернулся, вновь доставая саблю из ножен и проклиная туман и собственное спокойствие, вызванное пребыванием в Англии. В Испании никому не удалось бы подкрасться к нему незамеченным. Из тумана возникло пять человек. Четверо из них — крепкие парни с нацеленными на Синджона пистолетами, пятый же одет в элегантный голубой сюртук и вооружен лишь ледяным взглядом, надменно скользившим по потрепанному мундиру капитана Радерфорда.

Синджон напрягся. Кто это? Грабители? Странно, что им известно его имя, но сегодня утром парк просто наводнен отвратительными личностями. К несчастью, туман начал рассеиваться и бежать было некуда. Оставалось полагаться лишь на собственную смекалку.

Щеголь в голубом сюртуке задумчиво поджал губы, словно прочитал мысли Синджона и приготовился достойно встретить отпор.

Сжимая рукоятку сабли, Синджон вопросительно взглянул на незнакомца.

— Если вас интересует леди, то она поскакала в ту сторону. Она напугана, но не ранена. — Он указал неверное направление, но никто из пятерых даже не удосужился повернуть голову. Незнакомцы смотрели на него угрюмо и насто-роженно.

Франт в голубом сюртуке стянул с рук перчатки, указал рукой в сторону выхода из парка и безразлично произнес:

— Слуга ждет ее возле ворот. Теперь она в безопасности.

Синджон не ждал благодарности за свой благородный поступок, да никто и не думал его благодарить.

— Если дело в дуэли с лордом Крейтоном, то я всего лишь опоздал. Уверю вас, я не собирался бежать с поля боя.

Губы джентльмена дрогнули. То ли он пытался скрыть улыбку, то ли гримасу отвращения — Синджон не мог сказать наверняка. Будь у него в запасе еще пара минут, он попытался бы раскрыть замысел этого элегантно одетого незнакомца, понять, каким образом строить с ним разговор. Но уже в следующее мгновение выражение лица джентльмена вновь стало непроницаемым.

— Вы не просто опоздаете на дуэль, капитан, которые, кстати говоря, в Англии запрещены. Вы вообще не примете в ней участия. — Губы джентльмена изогнулись в холодной, полной превосходства улыбке, и сердце Синджона сжалось от дурного предчувствия. — Вы арестованы.

Неужели он попался? Он находился в Англии всего неделю и еще не успел напасть на след О'Нила. Без него Синджону грозит виселица, и тогда победа окажется на стороне Крейтона. Он ощутил, как по его спине пробежал холодок, когда парни, сопровождавшие джентльмена в голубом, подошли, чтобы связать ему руки. Сопротивляться таким молодцам бессмысленно. Один из них забрал у Синджона пистолет, а второй потянулся за саблей.

— Вы с ней поосторожней, — предостерег Синджон.

— Французская? — спросил мужчина, с любопытством разглядывая клинок. Он напоминал крестьянина, впервые увидевшего благородную леди.

— Да. И на ней кровь. — Негоже, чтобы эти парни думали, будто кровь принадлежит англичанину. Особенно теперь, когда против Синджона были выдвинуты серьезные обвинения.

— Достаточно, мистер Гиббс, — спокойно произнес джентльмен, и его подручный отстегнул ножны от пояса Синджона. Сабля, казалось, вздохнула, возвращаясь в ножны.

Синджону оставалось лишь одно.

— Вы могли бы позволить мне сразиться на дуэли. Я заставлю Крейтона сказать правду, и тогда необходимость в моем аресте отпадет.

В глазах джентльмена на мгновение вспыхнуло восхищение, но потом его взгляд приобрел прежнее выражение.

— Об этом не может быть и речи. Дуэль — это ловушка. Люди Крейтона наготове. Им отдан приказ убить вас. — Безразличный тон джентльмена никак не соответствовал сквожившей в его взгляде глубокой заинтересованности.

Холодок пробежал по спине Синджона, и он напрягся, сжав кулаки.

— И вы здесь для того, чтобы привести приказ в исполнение? — прорычал он, тщетно пытаясь вырваться из стальных пальцев схвативших его молодцов. — Так давайте же! Попробуйте!

Джентльмен в голубом сюртуке улыбнулся и склонил голову набок.

— Я здесь, чтобы спасти вам жизнь, капитан, а не наоборот.

— Что вы от меня хотите?

— Мне кажется, здесь неподходящее место для подобного разговора. Вы завтракали? Мне думается, нет. Как солдаты не обедают перед сражением, так и джентльмены не набивают желудок перед дуэлью, не так ли? — Он не стал дожидаться ответа. — Ведите его за мной, — произнес он таким тоном, словно его подручные были детьми, а Синджон непослушным щен-

ком. Молодому человеку не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться приказу. Иначе его просто бесцеремонно поволокли бы за собой навстречу неведомо какой судьбе.

Глава 3

— Миледи! — воскликнул дворецкий Эвелин, когда та появилась на пороге кухни, и сразу же начал отдавать приказания. — Позовите служанку леди Эвелин и приведите доктора!

Эвелин протестующе подняла все еще дрожащую руку.

— Со мной все в порядке, Старлинг. Кровь не моя. Просто в парке произошел несчастный случай. — Эвелин убрала с лица пропитанный засохшей кровью локон и поморщилась от боли.

Судя по выражению лица, Старлинг не поверил своей госпоже, но все же протянул ей полотенце. Эвелин едва не стошнило при виде оставшихся на полотенце бурых пятен.

Если бы не проходивший мимо солдат, все закончилось бы гораздо хуже.

Она даже не поблагодарила его. А ведь он рисковал собственной жизнью ради ее спасения.

Филипп никогда не сделал бы для нее ничего подобного.

— Моя сестра уже проснулась? — спросила Эвелин.

— Нет, миледи. Послать служанку, чтобы разбудила?

— Нет, — поспешно ответила Эвелин и испытала облегчение. Она намеренно прошла через кухню, чтобы избежать встречи с Шарлоттой. Заметив разорванную, покрытую пятнами крови амазонку сестры, Шарлотта непременно упала бы в обморок и не приходила бы в себя до тех пор, пока не закончилась бы нюхательная соль. После этого она впала бы в истерику, немедленно послала за Люси и Элоизой, и уже к полудню все трое свели бы Эвелин с ума своими причитаниями.

Судя по всему, она все же сможет избежать проблем, поскольку болтливая проныра служанка Шарлотты еще не спускалась вниз.

— Наполните в моей комнате ванну, — приказала Эвелин, аккуратно складывая запачканное кровью полотенце и забирая его с собой. Она старалась держать себя в руках, всем своим видом показывая, будто подобные происшествия происходят в Гайд-парке каждый день и посему случившееся сегодня совершенно ее не расстроило и не напугало. Не обращая внимания на выражение сочувствия в глазах преданного дворецкого, Эвелин покинула кухню и медленно поднялась по лестнице на второй этаж.

Оказавшись у себя в спальне, она постаралась как можно скорее снять окровавленную одежду и, потерпев неудачу, просто разорвала платье и бросила его в угол. Крупная слеза скатилась по щеке Эвелин и упала на белоснежное покрывало кровати, оставив на нем коричневатое пятно. Женщина смотрела на него некоторое время, а потом сорвала с кровати покрывало и отправила его в угол вслед за платьем. Эвелин огляделась по сторонам в поисках других пятен крови, не желая видеть напоминания о нападении и угрозах.

Однако комната пребывала в полном порядке. Все предметы, как и всегда, находились на своих местах. Ничто не резало глаз, кроме кучи грязного белья в углу.

Филипп жив. И он не только предатель, но и вор.

Подойдя к тазу с водой, Эвелин принялась с остервенением тереть щеки. Она отказывалась смотреть на себя в зеркало до тех пор, пока на лице не осталось ни одного напоминания об утреннем происшествии. Вытерев лицо, она бросила полотенце на кучу окровавленного белья.

Когда ее камеристка постучала в дверь, Эвелин уже сидела за столом и спокойно писала письмо.

Она старалась не обращать внимания на любопытные взгляды слуг, сосредоточившись на журчании воды в наполняемой ими медной ванне.

— Можете идти, — приказала Эвелин, не поднимая глаз. Она дождалась, пока слуги покинут спальню, и заперла дверь на ключ. Сбросив с себя остатки одежды, она остановилась перед зеркалом. На безупречной молочной коже шеи, рук и